

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

— Марк Борисович, вы были готовы к тому, что оркестр негативно встретит ваше назначение?

— Прежде всего хочу напомнить, что эти полномочные представители — еще не весь оркестр. Да и оркестр сейчас далеко не тот, что блистал в лучшие годы светлановского правления. Имею в виду не общий уровень — об этом еще скажу, но конкретных людей. Многие прекрасные музыканты (я их знаю, поскольку, будучи скрипачом, работал бок о бок с ними в этом оркестре), сочли необходимым уйти, когда безобразная война со Светлановым закончилась так, как она закончилась.

Вернемся к г-дам представителям. Я не вчера родился и, как мне кажется, не заблуждаюсь относительно побудительных мотивов поведения каждого из этих представителей. Людям не свойственно радоваться, когда их отстраняют от власти. Людям свойственно вымещать свои комплексы. Наконец, люди всегда верят слухам, как правило, приходящим к ним в самом искаженном виде. Не буду "переходить на личности" — уже хотя бы потому, что это заняло бы слишком много времени и места. Обозначу свою позицию в целом: никто из достойных — с точки зрения профессиональных качеств — музыкантов Госоркестра, невзирая ни на возраст, ни на эмоции, вызванные моим приходом, работы в этом оркестре не лишится, но никто и не сохранит привилегированного положения по сравнению с равными себе.

Впрочем, насколько я понял, среди полномочных представителей тоже не все недовольны мной в равной степени. Во всяком случае, в встрече у министра иные господа сидели молча, никаких претензий не высказывая, а затем и на пресс-конференцию, устроенную недовольными, не явились. А один музыкант высказался в том духе, что Грэнштейн — единственный человек, способный наконец справиться с этим очагом конфликта. Что интересно, еще совсем недавно он был по ту же сторону баррикады.

— Надо так понимать, что ощущения, что вы с большим упорством стремитесь туда, где вас не ждут, у вас нет? А опасения, что непросто начинающееся сотрудничество, не увенчается успехом?

— Я никому никогда не навязывался. Меня попросили возглавить этот оркестр. И я согласился. Не с легким сердцем, между прочим. Я оставляю свое детище — "Молодую Россию", оркестр высочайшего профессионального уровня, где все отлажено (надеюсь, мой преемник это оценит), и прихожу в коллектив, находящийся далеко не в лучшем своем состоянии. Почему я так поступаю? Потому что хочу, чтобы у Госоркестра великим было не только название, чтобы он вернул себе ту славу, которую создал ему Светланов. И через три года я это сделаю. Контракт мне предлагается на пять лет, но я "тянуть" не буду.

Что заставляет меня быть столь уверенным в успехе? Профессионализм и опыт. Сейчас мои оппоненты в Госоркестре пытаются представить дело так, что мне всегда была зеленая улица, что кто-то изначально лоббировал интерес "Молодой России" и что я любимчик Михаила Швыдкого, без которого нынешнее назначение ни при каких обстоятельствах не могло бы состояться, вследствие чего мое пребывание в этой должности и закончится, когда он перестанет быть министром. Уж не знаю, к сожалению или к счастью, но я вовсе не был таким баловнем судьбы. Всего, извините, пришлось добиваться своим трудом и талантом. Однажды — это было в 93-м году — на концерт руководимого мной оркестра, находившегося в ведении Минобра, пришел тогдашний руководитель Департамента культуры Правительства Игорь Шабдурасулов. Ему, видимо, понравилось, как мы играли, и, возможно, с кем-то поговорившись, он выступил с инициативой отдать коллектив в ведение Минкультуры. Так появился оркестр федерального подчинения для особо одаренной молодежи "Молодая Россия". Далее из общего ряда нас никто не выделял — все "прелестный" федерального существования мы познали сполна. Как сказал на все той же встрече в Минкульте г-н Швыдкой, Грэнштейн так долго был руководителем учреждения культуры федерального подчинения, что железа обиды у него совершенно атрофировалась. Но меня все-таки потрепают коллеги из ГАСО: в то время как Госоркестр получает на инструменты миллион рублей, "Молодая Россия" — два. Так потому и получает, что до того не получала практически ничего. Госоркестр имеет по три-четыре комплекта инструментов, а мы, будучи ничуть не хуже, порой не знаем, на чем играть. Я большую часть инструментов покупал на собственные деньги — вот какая у меня была райская жизнь.

Впрочем, жизнь у всех была сложная, но именно ГАСО всегда находилась в особом положении. А к чему, в конце концов, пришел? Взять, к примеру, упомянутое вами упорство — безупречное, достойное лучшего применения. Его-то как раз демонстрирует сам оркестр. На том основании, что Светланов проводил с ним мало времени и не возил его за границу (кстати, в каких учредительных или уставных документах сказано, что оркестр РФ должен не вылезать из-за границы?), упорно боролся с великим дирижером. Я собираюсь проводить с Госоркестром 365 дней в году (считаю, что 364 — уже мало), но, оказывается, это тоже плохо. Мол, мне все равно деваться некуда, поскольку у меня гастролей нет. Где же логика? Значит, на самом деле этот коллектив уже привык к тому, что хандруки, его бросая, пропадают за границу? Но откуда вам известны мои индивидуальные и прочие гастрольные возможности? Да "Молодая Россия" выезжала в десять раз больше, чем ГАСО за те годы, что она существует! И я, в конце концов, для того, чтобы принять дела в Госоркестре и разобраться в сложившейся ситуации, отменил свои личные гастролы.

Я предполагал, что реакция на мой приход в ГАСО будет неоднозначной, и то, что ожидало меня на встрече в министерстве, мог себе представить... Впрочем, действительность все-таки превзошла ожидания. Мне было стыдно. Стыдно за людей, которые позволяют себе "пеленизировать" в таком хамском тоне. Очевидно, предыдущий конфликт способствовал развитию "бойцовских качеств". Очень жаль, что ему позволили столь затянуться. На Западе, начни обе стороны так активно выносить сор из избы, расформировали бы и ту, и другую.

— Не ждет ли Госоркестр сейчас такая участь?

— Вот только, пожалуйста, не надо пытаться меня подловить.

— По-моему, вопрос совершенно естественный. Людям, безусловно, волнует не только их творческая, но и просто личная судьба. Музыканты "Молодой России" не могут не представлять им кандидатами на их собственные места. Особенно если учесть, что недавно министр культуры высказал идею максимально сократить число субсидируемых государством оркестров, оставив на содержании у казны только три. Как ни относиться к "Молодой России", совершенно очевидно, что она в этот короткий список не попадет. Есть, скажем так, более солидные "торговые марки".

— Я сразу же объявил министру, что приду в Госоркестр только при условии, если "Молодая Россия" сохранится. У меня, видите ли, нет намерения прикрываться вместе с созданным мной оркестром чужой маркой. Тем более что мы в этом вовсе не нуждаемся. Думаю, что найдется достойный дирижер, который захочет взять в свои руки этот коллектив. И я, безусловно, приму участие в его поисках. Что касается Госоркестра, то, повторяю, никто из хороших музыкантов не пострадает. Г-да полномочные представители уверены в том, что я — дирижер не соответствующего им уровня, не сыграв со мной ни одной ноты. Я не столь самонадеян. Мне все-таки нужно дать репетиционных минут, чтобы понять, что чего стоит. И надеюсь, музыкальная общественность не обидится, если мне удастся заполнить вакансии, хотя бы даже и с помощью некоторых бывших моих коллег из "Молодой России".

— Существует еще соображение, относящееся сугубо к эмоциональной сфере. Считается, что вы человек с довольно сложным характером и взрывным темпераментом. Нетрудно заметить, что вы очень любите созданный вами коллектив и гордитесь им, а Госоркестр пока особого восторга у вас не вызывает, к тому же и уходили вы из него при довольно драматичных обстоятельствах. А что если он приходит для того, чтобы взять реванш? Людей может посесть и такая мысль.

— Вот возьму и не "взорвусь", выслушав подобное соображение. Я очень люблю Госоркестр — как раз тот, в котором работал. Больше того — я надеюсь вернуть тех из ушедших музыкантов, которые работали вместе со мной и которых я очень ценил. Слухи о моем жутком характере несколько преувеличены, и мне очень хорошо известно, какой слух, абсолютно искажающий истину, сыграл особенную роль. Но объясняться не хочу — противно. Я действительно человек эмоциональный. Обидчивый. И неудобный — всегда говорю то, что думаю. Но не более жесткий и бескомпромиссный, чем иные музыканты, которые устраивают Госоркестр в качестве худуков. В принципе, со мной всегда можно договориться. И я пришел с миром — не с войной. Однако и капитулировать не стану. Поэтому, когда мне, уже назначенному художественному руководителю, говорят, что отдадут печать, не покажут штатного расписания и т.д., я отвечаю: а я попрошу Минкульт, чтобы вам закрыли все счета, и сделаю непроходимыми для клейма ГАСО таможенные терминалы.

— Вы часто посещали в последнее время концерты Госоркестра?

— Нет. После истории со Светлановым я намеренно перестал следить за судьбой этого оркестра.

— Марк Борисович, простите, откуда же вы тогда знаете, в каком он состоянии? И вы что, в принципе не допускаете мысли, что Синайский мог способствовать повышению его уровня?

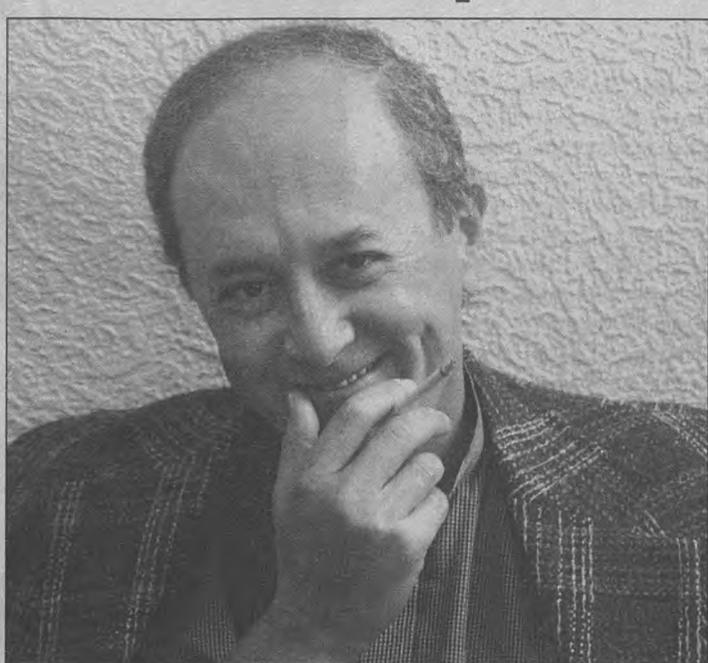
— Вот только не надо сорить меня с моим добрым знакомым Василием Серафимовичем Синайским. Он хороший музыкант, но с ГАСО действительно работал недостаточно — и для того, чтобы повысить уровень, и для того, чтобы вообще деятельность оркестра можно было считать полноценной. Ну что это такое — четыре программы за сезон? Должно быть десять — двенадцать. Видимо, работа за рубежом его все-таки интересовала больше. А привыкнув к комфортным условиям работы за границей, он, очевидно, забыл, каково быть главным дирижером здесь. Всем надо заниматься самому, в противном случае твой директор и почувствует себя таким неформальным лидером, что вам друг с другом будет не ужиться. Я посетил один из концертов, который Госоркестр давал уже при Синайском, — дирижировал, правда, не он. Впечатление было ужасным. И прочел рецензии на концерты, которые состоялись у Госоркестра с Синайским в этом сезоне в Германии. Большинство — не самые восторженные. Кстати, "невыездной" оркестр "Молодая Россия" начиная с 96-го гастролирует в Германии каждый год.

— И что рецензии?

— Представьте себе, неплохие.

— Недавно Валерий Гергиев где-то процитировал касающийся рецензий афоризм Джорджа Шолти. Маэстро сказал, что не надо доверять рецензиям, в которых вас хвалят, потому что тогда придется верить и тем, в которых ругают. А вы каким рецензиям больше доверяете и в каких случаях?

— Когда автор в "Нью-Йорк таймс" никак не заинтересованный ни в том, чтобы нас хвалить, ни в том,

М. Горенштейн

чтобы ругать, в глаза нас не видевший, потому что мы в США никогда не выступали — там только продаются наши диски, — в лестных выражениях высказывается об одном из этих дисков, я ему верю. А когда человек, лишь однажды побывавший на нашем концерте, почему-то не устает нас поносить, я ему не верю.

— То есть наша пресса ангажирована?

— Нельзя всех стричь под одну гребенку. Но вообще-то, как я думаю, это ни для кого не секрет.

— Как бы и вас не заподозрили в некоем умысле — вы ведь сами судите о ГАСО, побывав только на одном концерте. Впрочем, давайте лучше вспомним старые добрые времена. Вы с пиететом упоминаете имя Евгения Федоровича Светланова и, как можно понять из ваших слов, намереваетесь возродить в Госоркестре заложенные им традиции, видя в его искусстве если не эталон, то, во всяком случае, некий ориентир для себя. А как складывались ваши личные с ним отношения?

— Сложно. Это долгая и, как мне кажется, довольно интересная история. В 73-м году я, 27-летний скрипач, последовательно подвизавшийся в кинотеатре, джазовом оркестре, оперном театре, а к тому времени работавший в Молдавском симфоническом оркестре, приехал в Москву погулять — подышать столичным воздухом. Увидел объявление о конкурсе, проводившемся в ГАСО, и загорелся. Этот оркестр был розовой мечтой с детства. Я видел Светланова по телевизору и знал, что на самом деле хочу быть дирижером и непременно похожим на него. У меня не было московской прописки. Я, естественно, не захватил с собой ни диплома, ни скрипки. Я очень боялся Москвы и все-таки рискнул. Скрипку мне прислали самолетом из Кишинева. Приятель, с которым я учился в школе в Одессе, на тот момент уже министром Госоркестра, и я уговорил его позволить мне сыграть перед жюри. Светланов сказал: "Берем". Тут-то и выяснилось, что взять меня невозможно. Но Евгений Федорович предложил мне приехать еще раз. Я действительно вскоре переехал в Москву, но сначала работал в Большом театре и только через два года опять явился в Госоркестр. Благодаря Светланову, точнее, с его помощью, началась моя дирижерская карьера. Он попросил, чтобы для меня сделали место в Новосибирской консерватории, куда я и поступил сразу на второй курс.

Мой уход из Госоркестра действительно был довольно драматичным. Телевидение записывало "Манфреда". Светланов дирижировал — я сидел в оркестре. Софиты имеют обыкновение искажать звук — к ним надо "подстраиваться". Когда после репетиции я сказал ему, что были искажения, он очень рассердился. А я обиделся. И написал ему два письма: большое — своего рода объяснение в любви и совсем короткое — заявление об уходе. Отдал эти послания, разумеется, запечатанные, одному человеку и попросил его передать их Светланову, сначала — первое, потом, если не будет от меня никаких других "указаний", — второе. Последовательность доставки корреспонденции была нарушена. Светланов получил заявление, рассердился еще больше и тут же подписал. Разумеется, я уже не стал с ним объясняться. Мы увиделись с ним спустя пять лет: это было в 89-м году, он выступал в Нью-Йорке, я тоже там был, пришел к нему за цветами, подарил цветы, поцеловал у него руку...

К моему величайшему сожалению, на этом наши недоразумения не закончились. Уже после своего ухода из ГАСО, готовясь исполнить "Христа" Листа, он позвонил мне и попросил мой оркестр. Назвал дату выступления. Наверное, надо было просто сразу сказать "да" и потом расхлебывать последствия. Но я сказал то, о чем успел подумать, — в этот день сложно (Светланов звонил всего месяца за два до концерта, и наша жизнь уже была расплываема и до этого дня, и после). И предложил ему перенести премьеру на неделю, для чего отменил бы наш собственный концерт. Это было сделать легче, потому что в первом случае оркестр не успевал прийти в себя после записи. А отменять запись — это слишком большая проблема. Светланов не стал ничего слушать и бросил трубку.

— Возможно, другая дата его бы не спасла. Ведь он мог уже согласовать изначальную с прочими исполнителями. Вы были на премьере и услыли, не досидев до конца. Почему — вам не понравилось?

— Не понравилось. Светланов здесь ни при чем. Показалось скучным само сочинение. И раздражала одна из солисток, немилосердно фальшивившая. Я был очень расстроен.

— Понятно, что новый худрук предпочитает привести с собой и новую административную коман-

ду. Вы с самого начала не мыслили сотрудничества с прежним директором г-ном Фрадким?

— Естественно, у меня есть идеи насчет моей будущей команды. Но что бы я там себе ни мыслил, очень скоро стало ясно, что это сотрудничество невозможно, и не по моей вине. Получив приказ о своем назначении, я тут же собственным приказом отозвал г-на Фрадкина из отпуска. Мы встретились — я видел его, наверное, третий раз в жизни, и он сообщил мне, что двух лидеров в оркестре быть не может (нетривиальная позиция директора по отношению к худруку, не правда ли?), и спросил меня, не буду ли я возражать, если он в свою очередь перейдет на службу в "Молодую Россию". Вариант, не скрою, был для меня неожиданным, но с ходу возражать или выражать свои восторги я не стал. Мы должны были встретиться вновь и все обсудить. Но на следующий день г-н Фрадкин уже повел себя совершенно иначе. Печать и документы не отдавал. Потом последовала встреча в Минкульте, потом — пресс-конференция. Ну а я, естественно, уже никаких вариантов нашего сотрудничества не рассматривал.

— Скорее всего вы не успели выслушать в детали, но, возможно, какое-то мнение о том, как г-н Фрадкин управлял оркестром, составили. У вас есть к нему претензии по существу его директорства?

— Я профессионал не только в дирижировании, но и в административном управлении оркестром. За прошедшую неделю я если не все узнал про жизнь ГАСО, то очень многое. И у меня есть к г-ну Фрадкину кое-какие вопросы. Прежде всего — насчет оплаты аренды Большого зала. Почему-то час репетиционной работы на сцене БЗК обходится ГАСО всего-навсего в 500 рублей. А вот "Молодая Россия", репетируя в не очень хорошей студии ГДРЗ (да неважно даже, плохая она или хорошая, понятно, что в любом случае студия уступает сцене БЗК), платит за нее чуть ли не в три раза больше. Оба оркестра между тем федеральные учреждения культуры. Так почему же такая разница в оплате? Мне в Минкульте намекали, что этот вопрос надо решать как можно скорее, иначе ГАСО может вообще перекочевать в подвал. Этим я и займусь в первую очередь, потому что подумать даже страшно о том, что Госоркестр может лишиться своей исконной репетиционной площадки.

— Когда "Молодая Россия" утверждалась в своем нынешнем качестве, вы поставили непременным условием, что будете не только худруком, но и директором этого оркестра. У вас нет таких же намерений и в отношении Госоркестра, тем более что вы приобрели такой бесценный опыт в своем прежнем коллективе?

— До сих пор считаю, что в противном случае было бы оркестру нашему не выжить. Но быть директором ГАСО не собираюсь. Да тут и объем работ слишком большой. Но находиться в подчинении у директора, которого, если следовать уставу Госоркестра, я должен нанимать (а не наоборот), не собираюсь тоже. Странный, кстати, документ: этот самый устав. Худсовет в нем какую-то совершенно фантастическую роль играет. Написано: собирается не реже одного раза в месяц и только с его согласия может кто-то присутствовать из Минкультуры. Это, между прочим, учредителю на его место указывает.

— У вас есть уже какие-то конкретные предложения по реорганизации жизни оркестра?

— На Западе есть коллективы, которые дают по 200 концертов в год. Там это бизнес. У нас на самом деле люди не только не имеют возможности столько работать, но и не хотят. Минимум сто концертов в год должно быть у Госоркестра. Но для этого необходимы кое-какие перемены, в том числе и в самом оркестре. В западных оркестрах группа первых скрипок, к примеру, составляет где 20, где 22 человека, у нас — 18. Нам тоже надо расширять все группы инструментов. Тогда не будет никаких проблем с составами. И можно будет безболезненно отпустить желающих (по очереди, разумеется) на гастролы в другие оркестры. Хотя я предпочитаю добиться того, чтобы всем в своем оркестре работы было достаточно.

— А как же вы всего этого добьетесь — вам что, министр пообещал златые горы?

— А вот тут как раз и сыграет свою роль торговая марка Госоркестра. Я получил серьезные обещания от солидных западных структур. Будет ГАСО, если все сложится так, как я рассчитываю, должен быть весьма впечатляющим. Денег хватать для того, чтобы обеспечить нормальную жизнь всем музыкантам.

Беседу вела
Наталья ШАДРИНА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ